

Глава 54. Причешу тебя

Сделанный из тонкой рисовой бумаги фонарь висел наискосок у соседнего лотка с украшениями.

На нём кистью из волчьего волоса были выведены несколько веточек персика, а длинной тонкой кистью тщательно прорисованы тычинки и листья. Внутри горела свеча, и потому её свет просачивался сквозь бумагу фонаря и ложился на лицо юноши со снежной кожей и тёмными волосами.

Казалось, пылающие персиковые цветы сошли с фонаря и отпечатались у него на щеках — лёгким румянцем, в котором смешались смутная двусмысленность и ночная мягкость.

Проходившие мимо культиваторы, будь то мужчины или женщины, невольно оборачивались, чтобы ещё раз взглянуть на этого юношу под фонарём.

— Какой хорошенький молодой господин... Интересно, из какого он рода?.. — то и дело слышалось вокруг.

Смотрели не только прохожие. Фу Линцзюнь тоже не сводил глаз с Цзян Тана.

В опущенных ради его роста глазах отражался свет фонаря — а ещё густое, почти неприкрытое недоумение и гнев.

Хватка на руке Цзян Тана чуть усилилась, и на тонком, словно из белого фарфора, запястье сразу проступил двусмысленный красный след. От боли Цзян Тан не выдержал:

— Отпусти.

У-у-у, что же он всё-таки забыл? Почему у великого босса такое страшное лицо? Да что он мог натворить? Он ведь всего лишь бесполезный, жадный до денег и красоты аксессуар, который ест за чужой счёт, — разве способен на что-то уж совсем запредельное?

От обиды у него предательски покраснели глаза.

Это было не потому, что Цзян Тан нарочно хотел расплакаться. Просто ему было больно, и в уголках глаз сама собой выступила влага.

Запястье, которое Фу Линцзюнь держал в руке, было тонким и мягким. Когда-то эти руки крепко обвивали его за шею, липли к нему, как маленький осьминог. А теперь — пытались от него ускользнуть.

После того как забыли всё, что произошло в тот день.

— Очень больно? — его голос был похож на ледяную воду горного ручья, ещё не успевшую схватиться льдом. С виду спокойный, а на деле — до костей холодный.

Цзян Тан поджал губы. Даже на длинных чёрных ресницах уже повисли влажные искорки.

— Больно.

На миг в душе Фу Линцзюня взбунтовалась жажда убивать. Он смотрел в эти невинные глаза — и чем дольше смотрел, тем сильнее разгорался гнев.

Если кто-то смел его раздражать, он всегда умел сделать так, чтобы тот пожалел, что появился на свет. У него были тысячи способов причинить боль человеку, выведшему его из себя. Но перед этим невежественным, хрупким юношей желание убивать рассыпалось слишком быстро. На его место пришло другое, куда более сильное чувство — желание.

Ему хотелось наказать того, кто разозлил его. Под сердцем вспыхнула тёмная, неукротимая ярость и в один миг разрослась лесным пожаром.

Запястье в его руке было белым, почти прозрачным, и в красноватом свете фонарей казалось уязвимым, как свежий снег.

Фу Линцзюнь прекрасно слышал, что Цзян Тан говорит, что ему больно. Видел, как на ослепительно белой коже остаются следы его пальцев. Но та жестокость, которую он не мог в себе подавить, толкала его сделать ещё более неприемлемое.

Ему хотелось оставить на нём больше следов — и там, где их никто не увидит. Хотелось увидеть, как в красных от слёз глазах скапливается жалкая влага, как юноша плачет так, что не может перевести дыхание, как у него краснеет нос и влажная чёлка липнет ко лбу, пока он, обессиленный, прислоняется к его груди. Хотелось слушать, как тот снова и снова просит пощады, и превратить кипящий в груди гнев в боль, которую вернёт ему обратно.

— Тогда терпи, — Фу Линцзюнь так и не разжал пальцы.

Цзян Тан: ???

Нет, вы только послушайте! Это вообще человеческие слова? Неужели Фу Линцзюнь сам не слышит, насколько подозрительно и непорядочно это прозвучало? Если отпускать не собирается, то зачем вообще спрашивал, больно ему или нет? Просто поиздеваться решил?

Ладно. Всё-таки он злодей. Вот если бы он вдруг начал говорить как приличный человек — это и правда было бы подозрительно.

Маленький пёсик, у которого голова шла кругом от вопросов, молча закатил глаза и ещё раз попробовал выдернуть руку. Фу Линцзюнь уже не сжимал так сильно, как раньше, но хватка всё равно оставалась железной. Цзян Тан смирился, перестал сопротивляться и просто позволил вести себя дальше.

И вот так, держась с великим боссом за руки, он пошёл сквозь ночной рынок области Цянькунь.

Из-за этой подозрительно тесной позы и из-за слишком уж заметной внешности Цзян Тана прохожие то и дело провожали их взглядами. Среди них были и двое, сидевшие на втором этаже чайной через дорогу от длинной улицы: Янь Цунси и Цзян Чанъюань. Они потягивали вино, облокотившись о перила и поглядывая на оживлённый рынок внизу.

Из длинного тонкого носика кувшина струилась прозрачная, как вода, янтарная жидкость, красивой дугой ложась в белую фарфоровую чашу.

— Хм? — Янь Цунси, заметив в людском потоке Фу Линцзюня и Цзян Тана, сцепившихся руками, с интересом проводил их взглядом ещё несколько мгновений, пока они не затерялись среди людей.

Цзян Чанъюань сидел спиной к улице и без особого интереса скользнул взглядом в сторону:

— Что такое?

Янь Цунси не удержался от смешка:

— Да ничего. Просто увидел друга моего племянника. А ведь думал, он скучный, как маленький старик. Кто бы мог подумать, что в нём столько огня.

В тот день, когда они вернулись с утёса Жисы, Янь Цунси, подавляя ярость, вытаскивал оттуда одного за другим всех этих мальчишек. Шэн Исюэ и Хуай Чэньиня он хотя бы знал. Про Сун Цзиньяо и Ци Е тоже слышал. А вот тот, кого звали Линь Шэн, был угрюм, не улыбочив и до крайности серьёзен — спроси его десять раз, он и на один толком не ответит.

Хорошо ещё, что тогда Е Чжэнвэнь бросался отвечать вместо него и выложил всё, что знал.

— Молодые почти все такие, — рассеянно проговорил Цзян Чаньюань, медленно проводя длинными пальцами по краю белой фарфоровой чаши. Вид у него был такой, будто мысли его заняты совсем другим.

Мягкий вечерний ветер подул в открытое окно, приподнял лёгкие занавеси и растрепал несколько прядей у лба Янь Цунси.

Они ненадолго замолчали.

Прошло некоторое время, и Цзян Чаньюань поднял глаза. В его искреннем взгляде мелькнула едва уловимая уязвимость.

— После возвращения с утёса Жисы ты всё хотел мне что-то сказать. Так ведь?

Янь Цунси скрестил руки на груди и откинулся на спинку стула. Он без страха встретил взгляд Цзян Чаньюаня — как делал бессчётное число раз прежде, когда одного взгляда между ними хватало, чтобы понять мысли друг друга и сработать без единого изъяна.

— Да.

— Почему же не сказал?

Янь Цунси серьёзно посмотрел на него, а затем вдруг невольно усмехнулся. Он и в обычные дни не был человеком суровым, а когда улыбался, в уголке губ даже появлялась маленькая ямочка.

— Ты хочешь услышать правду или ложь?

— Правду.

Красивая дуга улыбки тут же исчезла.

Янь Цунси, всё ещё опираясь на спинку стула, помолчал, а потом взял со стола чашу и осушил её одним глотком.

— Я хочу знать правду.

— Какую правду?

— Правду об утёсе Жисы.

Красивые персиковые глаза Цзян Чаньюаня чуть приподнялись. В жёлтом свете чайной в них играли отблески, от которых взгляд приковывало невольно.

— Значит, ты всё ещё подозреваешь меня?

У Янь Цунси дёрнулся кадык. Его взгляд заметался, избегая этого жгучего взгляда.

— То объяснение, которое ты мне дал, меня не убедило.

Лицо Цзян Чаньюаня, ещё не оправившегося от ран, было пугающе бледным. Он горько дёрнул уголком губ, и на лице его появилась беспомощная улыбка — то ли насмешка над самим собой, то ли тихий шёпот в пустоту.

— Да. Из-за моей оплошности ты оказался втянут в неприятности. Я действительно виноват.

— ...

Янь Цунси тяжело выдохнул и налил себе ещё чашу вина, тут же осушив её. Он хотел услышать вовсе не эти вежливые, ничего не значащие извинения. Но того, чего он действительно хотел, Цзян Чаньюань ему говорить не собирался.

Допив, он резко поднялся, сделал два шага прочь и бросил через плечо:

— Ты ещё не поправился. Пей меньше.

С этими словами он развернулся и спустился вниз.

Цзян Чаньюань, слушая удаляющиеся шаги, лениво откинулся на спинку и вновь налил себе вина.

— Похоже, времени и правда остаётся всё меньше... — беззвучно шевельнулись его губы, а глаза чуть сузились.

* * *

На длинной улице области Цянькунь появился невероятно заметный юноша.

Он был увешан свёртками и пакетами до такой степени, что их груда закрывала ему пол-лица. Даже просторные рукава не остались в стороне: в один был затолкан фонарь, в другой — подвешен бумажный змей в виде зайца. Из-за этого юноша шёл, пошатываясь, а широкие рукава дрожали так жалобно, что люди вокруг старались даже не приближаться, лишь бы не сбить что-нибудь из его рук.

Впереди него шагал высокий культиватор в тёмном с не слишком довольным лицом. Хотя у юноши на руках уже давно не было места ни для чего нового, он продолжал безудержно скупать всё подряд и всё так же бессовестно сгружал покупки назад, будто вовсе не задумывался, сможет ли тот всё это дотащить.

— П-подожди меня, — с трудом высунув лицо из-за целой горы пакетов, взмолился Цзян Тан, глядя на быстро идущего впереди Фу Линцзюня. Голос у него был робкий, а в душе он уже ругался напропалую.

Ну вы только посмотрите — это разве можно назвать человеческим поведением?

Сегодня с великим боссом явно творилось что-то неладное: он был как пороховая бочка. Раньше тащил его по улице за руку, и Цзян Тан, которому вся эта поза казалась слишком уж неподобающей, чуть ли не падал на землю и устраивал сцену, лишь бы добиться, чтобы его отпустили.

И тогда Фу Линцзюнь спросил только одно:

— Не хочешь меня обременять?

Слабый, несчастный и беззащитный маленький пёсик потёр тогда запястье. На белой коже всё ещё отчётливо проступали пять следов от пальцев. То ли свет фонарей был слишком двусмысленный, то ли в голове у него было слишком много непристойных мыслей, но чем дольше он смотрел, тем явственнее эти следы казались ему слишком уж интимными.

Он трусил и потому сразу спрятал обе руки за спину, а потом, мало что понимая, всё-таки кивнул.

И после этого великий босс отправился в бесчеловечный тур по магазинам.

Эту улицу даже Сян Син, неся его на руках, проходил очень долго — настолько тут было всего много и вперемешку. А Фу Линцзюнь теперь и вовсе покупал всё подряд: что ни увидит — то берёт, а потом сваливает всё на него, прикрываясь тем, что якобы даёт ему «работу».

Цзян Тан смутно чувствовал, что подвергается классическому офисному буллингу. Но сопротивляться не мог и потому лишь добросовестно исполнял обязанности носильщика при великом боссе. Вот только вещей уже и правда было слишком много. Купи Фу Линцзюнь ещё хоть что-нибудь — и он просто не донесёт это до постоянного двора.

Наконец Фу Линцзюнь остановился.

Он обернулся и сверху вниз посмотрел на хрупкого юношу, почти полностью погребённого под свёртками.

Конечно, в том, чтобы намеренно его дразнить, была своя мстительная сладость. Но ещё сильнее была какая-то непонятная раздражённость, которая оставалась после этого.

Фу Линцзюнь, всё так же хмурясь, посмотрел на выглядывавшие из-за груды пакетов большие влажные глаза. В них было то же самое обиженное, мягкое выражение, что и у того тёплого белого комочка.

Он с каменным лицом вытащил из его рук два самых тяжёлых пакета и убрал их в жемчужину Нахай.

— Уже не хочешь продолжать?

Цзян Тан замотал головой:

— Нет, не в этом дело!

После того как два самых тяжёлых свёртка исчезли, ему сразу стало гораздо легче. Да и вообще, в прошлой жизни он был образцовым офисным работником — работал хоть по девять, хоть по двенадцать часов, хоть по двадцать семь дней подряд и не жаловался. Так что ну подумаешь, немного поносить за начальником покупки. Что здесь такого?

Просто, проходя мимо лотка со сладостями, он не выдержал и уставился на красивые пирожные.

— Я голоден...

Вообще-то он уже давно был голоден. Полдник он пропустил, ужин тоже не ел, а Фу Линцзюнь ещё и таскал его по всей улице. Сейчас уже в пору было говорить о ночном перекусе.

Пусть Цзян Тан и поклялся есть меньше, чтобы не разорять великого босса, он всё равно был ужасно, ужасно голоден.

У Фу Линцзюня дёрнулась челюсть.

С тем же мрачным лицом он подошёл к продавцу и купил сладости.

— Что тебе нравится?

Цзян Тан уже привычно перечислил всё любимое:

— Мэйхуа-су, вишнёвое лао, «Тёплый цветок фужун».

На этот лоток Сян Син и раньше часто приносил его покупать сладости, а рядом как раз стоял прилавок со шпильками, кисточками, ароматными мешочками и украшениями.

Продавцу сладостей эти три названия показались смутно знакомыми, но сам покупатель в лицо ему не запомнился, так что он не придал этому значения. Ловко выбрав три порции и завернув каждую в промасленную бумагу, он немного неловко посмотрел на до отказа загруженного Цзян Тана и на Фу Линцзюня, у которого руки были пусты.

— Ему, — злонамеренно велел Фу Линцзюнь.

Продавец смущённо улыбнулся и водрузил три свёртка со сладостями прямо на вершину этой маленькой горы.

По всем правилам нынешний вид Цзян Тана должен был вызывать смех.

Но юноша со снежной кожей и тёмными волосами, который держал на руках целую башню покупок, смотрел такими ясными глазами, будто в них плескалась утренняя роса — живая, чистая, как на только что распустившихся персиковых цветах. Стоило ему взглянуть на кого-то, и тому уже казалось, будто по сердцу скользнул нежный ветерок, пахнущий весной.

И кто после этого станет думать о том, как нелепо он выглядит? Всем лишь хотелось ещё раз столкнуться взглядом с этой сияющей весной.

— Молодой господин, не хотите купить украшение для своей возлюбленной? — за соседним лотком сидела молодая красивая культиваторша. Увидев юношу с таким лицом, она сразу оживилась, а взгляд её заиграл. — У старшей сестрицы здесь самые красивые украшения.

У Цзян Тана руки были заняты до предела, и до украшений ему сейчас не было дела. Но именно в этот момент взгляд зацепился за одну шпильку, которую он уже видел раньше.

Пусть Фу Линцзюнь под маскировкой всегда собирал волосы безупречно, Цзян Тан-то знал, что сам по себе великий босс вообще не умеет причёсываться.

Красавец есть красавец: даже с распущенными волосами Фу Линцзюнь выглядел как нечеловеческое видение. И всё же ещё в прошлый раз Цзян Тану приглянулась одна очень простая деревянная шпилька. На её конце резьба походила на хвостовое перо феникса — совсем как его пламя.

Тогда он ещё жалел, что у него нет человеческих рук. А теперь подумал: купить великому боссу шпильку для волос — тоже неплохо.

Подойдя ближе к прилавку, несмотря на ворох вещей в руках, он надул губы и подбородком указал на ту деревянную шпильку:

— А эта сколько стоит?

Услышав, что юношу заинтересовал самый дешёвый товар на её лотке, культиваторша всё же не сдалась и с улыбкой наклонилась ближе:

— Ой, ну разве для сердечного человека не стоит выбрать что-нибудь подороже? Вот посмотрите на эту — из зелёного нефрита, цвет чистый, камень высшего сорта. И потом, девушки любят что-нибудь нарядное. Или вот эти золотые шпильки тоже хороши: с фениксовым пером, с бегонией...

— Не надо, не надо, — Цзян Тан покачал головой.

Эта шпилька приглянулась ему не потому, что была особенно красивой, а просто потому, что, как ему казалось, очень подходила Фу Линцзюню. А тратиться на что-то дорогое ради такого транжиры, как великий босс, и вовсе не было смысла — ещё не факт, что тот стал бы носить.

— Вот эта. Сколько она стоит? — спросил он снова.

Интерес у продавщицы сразу поубавился. Как бы ни был хорош собой Цзян Тан, если он бедный мелкий культиватор, больших надежд с ним не построишь.

— Десять духовных камней.

Фу Линцзюнь уже расплатился за сладости и постоял в стороне, дожидаясь его. Но, увидев, что Цзян Тан всё не идёт, в два шага вернулся назад.

Высокий рост делал его перед этой оживлённой девушкой особенно давящим.

— На что ты смотришь?

Девушка подняла голову, почувствовала, что собеседник слишком уж высокий, и невольно отступила на полшага назад.

— Эм... этот молодой господин хотел купить шпильку.

И указала на ту самую ничем не примечательную деревянную шпильку.

Презрение в глазах Фу Линцзюня читалось совершенно открыто.

Разумеется, такой бесполезной мелочью он бы никогда не заинтересовался. Он небрежно достал из жемчужины Нахай один камень среднего ранга, положил его на прилавок, взял шпильку и бросил её Цзян Тану, а затем велел идти дальше.

Но Цзян Тан терпеть не мог, когда кто-то так бездумно сорит деньгами. Поймав шпильку, он всё ещё с тревогой думал о том камне среднего ранга и хотел дожидаться сдачи. Только Фу Линцзюнь уже подхватил его, будто щенка, и утащил в сторону, всё дальше от того лотка.

— Но она... не стоит так дорого, — Цзян Тан на ходу всё оглядывался назад, всё ещё надеясь забрать сдачу.

Та девушка торговала там уже давно и вот только сейчас заработала первую прибыль за весь вечер. Шпилька была самой обыкновенной, из тех, что продают простые смертные. В области Цянькунь за неё не дали бы и одного духовного камня — она у неё валялась на прилавке уже больше полугода. А сегодня вдруг нашёлся простак, отваливший за неё целый камень среднего ранга. Девушка с удивлением и восторгом разглядывала монету в руке:

— Ай-яй, вот это я недооценила! Молодой господин-то оказался богачом.

Сосед-продавец сладостей тоже добродушно усмехнулся:

— Богат ли сам молодой господин, не знаю, а вот тот, что в чёрном, точно при деньгах.

Три порции сладостей он тоже оплатил одним камнем среднего ранга — рука у него и правда была широкая.

Повезло ещё, что сегодня Цзян Тан был по рукам и ногам связан ворохом пакетов. Услышь он, что и сладости обошлись во столько же, у него бы потом сердце ещё долго кровью обливалось.

После титанических усилий Цзян Тан наконец-то дотащил всю эту гору вещей обратно в постоянный двор. Ночь уже вступила в свои права; внизу в зале давно никого не осталось, ни пьющих, ни ужинающих. Только дежурный слуга устало приподнял веки и вяло их поприветствовал.

Поднявшись на второй этаж, они заметили, что в комнате Сян Сина тихо.

Значит, он всё ещё сторожит Ци Е и без приказа Фу Линцзюня не вернётся.

Цзян Тан, таща за собой покупки, вошёл следом за Фу Линцзюнем в комнату.

— Уф, какие тяжёлые...

Добравшись наконец до стола, он смог сгрузить всё на него. Свёртки и пакеты покатались по столешнице, только деревянная шпилька осталась лежать неподвижно, повернувшись к дрожащему пламени свечи.

— Тебе и правда это нравится? — привередливый взгляд Фу Линцзюня трижды обошёл шпильку. — Вкус у тебя сомнительный.

Цзян Тан, потирая затёкшие руки, тихо сказал:

— Это... я тебе выбрал.

Голос у него был мягкий, ещё и с примесью какой-то жалости к самому себе.

Фу Линцзюнь, который ещё секунду назад смотрел на шпильку с презрением, застыл.

Цзян Тан приподнялся на цыпочки и протянул шпильку ему поближе:

— Смотри. Огонь... как у тебя.

Когда юноша подошёл так близко, от него повеяло тонким сладким ароматом. У Фу Линцзюня дрогнуло сердце. Пользуясь тем, что Цзян Тан протягивает шпильку, он перехватил его руку.

Маленькая. Мягкая. Белая.

Он будто невзначай сжал её — раз, другой — а потом отпустил.

Цзян Тан смущённо убрал руку обратно.

Пальцам, которых коснулся красавец, стало как-то зудко и странно.

— Хочешь... причешу? — очень профессионально предложил Цзян Тан, как человек труда.

Фу Линцзюнь помолчал, а потом снял маскировку.

Он чуть склонил голову, подстраиваясь под рост юноши.

Чёрные, как воронье крыло, распущенные волосы упали вниз, скрыв лёгкую улыбку, тронувшую его губы.

Примечание автора:

Фу Линцзюнь: на словах упрямится, а телом честнее всех.

<http://bllate.org/book/17032/1644406>